

The background of the book cover is a dark, textured illustration. In the upper left, a bearded man in a dark blue robe with a cross on the chest is shown from the waist up, looking down at a large, reddish-brown, dome-shaped object he is holding. Below him, the scene is filled with various objects and figures: a dark bird-like creature on the left, a small figure holding a sword and a shield, a large fish at the bottom, and a dark bird-like creature on the right sitting at a round, light-colored table with a pitcher and a spoon. The overall color palette is dark and muted, with shades of green, brown, and blue.

АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ

КРЕСТИКИ И НОЛИКИ

ФАНТАСМАГОРИЯ В ТРЁХ
ЧАСТЯХ

Андрей Козырев

**Крестики и нолики.
Фантасмагория в трёх частях**

«Издательские решения»

Козырев А. В.

Крестики и нолики. Фантасмагория в трёх частях /
А. В. Козырев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859368-0

Роман-фантасмагория о вторжении инопланетян в русский монастырь
середины XIX века. Монахи против пришельцев. Философский триллер.
Фарс, трагикомедия, смешение жанров.

ISBN 978-5-44-859368-0

© Козырев А. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Нравы Стародворской обители	7
Светлая обитель	7
Святой убил святого	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Крестики и нолики Фантасмагория в трёх частях

Андрей Вячеславович Козырев

© Андрей Вячеславович Козырев, 2017

ISBN 978-5-4485-9368-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Это очень серьёзные шуточки.

Гёте

Эта история могла присниться кому угодно. Например, монаху – он бы прогнал этот сон молитвой, как наваждение. Или нерадивой студентке, изучающей историю, в ночь перед экзаменом, – она, смеясь, рассказала бы об этом друзьям. Могло это всё присниться сыщику – он бы решил, что это отражение в подсознании дел, которые он вёл. Вполне представляю себе это. Но приснилась эта история мне. Вот в чём загвоздка.

Я – писатель. И мне постоянно хочется описать всё то интересное, что встречается мне в жизни. И теперь у меня нет более жгучего, более насущного желания, чем описать события, увиденные однажды в диком, нелепом сновидении.

Этот сон стал мной, он вошёл в мою кровь, в мою плоть, в мой костный мозг. Он бьётся в моём пульсе, в моих вдохах и выдохах. Может быть, он тёмный и зол; может быть, он легкомыслен и пуст. Но он – мой, он – во мне, он – вокруг меня, и я без него – уже ничто.

Да, я создаю себя из снов и фантазий. Из пустоты! Эта история сама по себе – сказка, миф. Миф созидания, миф разрушения, миф ненависти, миф любви... Ноль без палочки. Но ноль – это уже великое дело. Ноль – это как спасательный круг, который я бросаю в белое пространство чистой страницы, чтобы не утонуть в нём. Ноль – это кольцо орбиты, по которому я всю жизнь кружусь вокруг пустоты. Ноль – это нимб, ореол святости, круг света, в который ещё не вписана ни одна голова... И к нулю, именуемому выдумкой, я свожу свои реальные страхи, надежды, мечты и чаяния. Вырастут ли они во что-то большое – там, по ту сторону нуля? Бог весть!

Эта история – мой крест. Моё бремя. Моя земная тягота. Я несу её невесомую тяжесть уже долго, и с нарастанием её груза растут мои силы. Может быть, в этом смысл посланного мне наваждения? Сон, приснись мне, я разгадаю тебя до конца. Сон, явись мне, я уйду в тебя бесследно. Фантазия, мечта, видение... станьте мной или покоритесь мне, жить без вас мне уже невозможно.

Прошу вас не судить меня строго. Я меньше нуля, но я несу свой крест, невидимый крест воображения, – значит, во мне всё-таки что-то есть, значит, чего-то я всё-таки стою. Как в моём сне: рядом со смехом всегда слёзы, рядом с пустяком – мудрость, рядом с ересью – святость. Такова пестрота нашего мира, этого узорчатого, асимметричного, неправильного мира. В конце концов, крестик и нолик всегда рядом. Как в детской игре.

Я всё понимаю. Сейчас не любят долгих предисловий. Приглашаю вас перевернуть страницу и начать чтение. Когда прочитаете, можете счесть меня ноликом или поставить на мне крестик. Без обид. Но прочитайте – и, может быть, вы почувствуете, как наши, столь различные, пути скрещиваются – т а м. За гранью сна. По ту сторону нуля.

Нравы Стародворской обители

Светлая обитель

Утро выдалось хорошее, солнечное. Яркие майские лучи играли в листве и цветах яблони, росшей под окном кабинета игумена Мельхиседека. Ветер доносил запах мёда от пасеки и цветов от монастырского садика у реки Ленивки. Игумен пил чай у окна, раздувая ноздри и вдыхая приятные запахи, и тихо крякал от удовольствия. Приятное было утро, душа радовалась. А тут ещё какая-то птица, из-за листвы невидимая, начала в кроне дерева петь, такие коленца выдавала – прямо заслушаешься, вроде и не соловей, нету в наших краях соловьёв, а поёт не хуже ничуть. Всё поёт: птицы, цветы, дворник, кузнечики, река, повар, сердце, колокольня, отец эконоом, сирень, небо и земля. Май, май золотой...

...Стародворский монастырь цвёл. А вокруг царили сумятица и смута. После выстрела Каракозова всё в умах русских людей сдвинулось. Многие даже видные люди от своих должностей отказывались, не в силах со смутой совладать, и бежали сюда – в обитель, у старцев совета искать. И многое от этих гостей обители перепало. А советов у старцев на всех хватало, они весь мир окормить способны, коли только захочет этого мир.

Вот и сегодня в Стародворскую обитель под Воцанском прибыл очередной разочарованный в мире и людях дворянин, философ и писатель, бывший дипломат из Петербурга – граф Кирилл Петрович Брутилов. Устав от дипломатической службы, большой человек ехал по монастырям – в поисках не то истины, не то отдохновения, не то вдохновения для новой книги. В любом случае его следовало принять со всем возможным уважением – он мог принести обители большую пользу, в том числе и материальную.

Высокий, сухопарый, в круглых очках на горбатом носу, граф зашёл в кабинет игумена в тот момент, когда Мельхиседек наливал себе ещё одну чашку ароматного чая.

– Здравствуйтесь, ваше преподобие! – с лёгкой хрипотцой произнёс гость, чуть поклонившись игумену.

Выбор между чашкой чая и Брутиловым был совершён игуменом очень быстро. Чай был отставлен в сторону, а гость приглашён за стол.

– Значит, прибыли вы к нам на богомолье, покоя искать... Хорошо, хорошо, – умилённо вещал игумен, перебирая чётки. – Ищет Бога ваша душа, а не находит. Нужен ей поводырь, чтобы с дороги не сбиться... Многие сейчас вот так ищут правды, а идут в иную сторону, потому как – некому верный путь указать. Но что это я о своём... Какой вопрос вы у нас разрешить хотели? В чём, собственно, ваша главная проблема? Какая она? Ну, как называется?

– Жизнь, – коротко бросил Кирилл Петрович, щуря острые серо-голубые глазки. – Не могу я понять её смысла. Долго пытался – ни в радости, ни в горе не мог его найти. Счастье и горе – это ведь две оградки, отделяющие нас от жизни. Разница только в красоте или безобразии оградки.

– Верно говорите... – опустил седую голову Мельхиседек. – Но умом и нельзя понять жизни. Жизнь только жизнью постигается, всем существом. И только тогда, когда оно добродетельно. Иначе – никакие идеи не помогут.

– Верно. Главное – это добродетель. А что умные мысли значат? Что это такое? У нас идеям не служат, у нас ими красуются. Как побрякушками. Всю страну когда-нибудь за такие побрякушки отдадим...

– Не думаю. Чтобы за идеи страну отдать, нужно серьёзно к ним относиться. А у нас этого не умеют. У кого-то мысль – это работа, а у нас это – отдых. От жизни, – блеснул умом пастырь.

– Д-да... Работа, работа... Работать мы не умеем, – поддакнул священнику именитый гость. – Работников у нас мало, хотя рабов – полно. До сих пор ведь мы рабы! Как ведь с нашей реформой вышло? Хотели дать свободу от крепостного права, а подготовили новое рабство. Так всегда выходит, когда без Бога добро делаешь. Сеешь разумное, доброе, вечное, а всходит глупое, злое и непостоянное.

– Вот вы говорите, что мы – народ рабов. Ан нет, – с блеском в глазах возразил Мелхиседек. – Наш народ свободный. От здравого смысла. Больше свободы в мире не найти. С нею нам ничего не страшно, хоть плюнь с глаза, всё божья роса... Видели, как наши мужички смотрят? Выпукло, тупо, бессмысленно... и героически. Нет в их глазах приязни ни к себе, ни к земле. Высшее смирение, нищета и свобода! Народу, который такими глазами глядит, и смерть не страшна, и счастье не впрок. На Судном дне Господь за один такой взгляд человеку все грехи отпустить будет. Замечали?

– Замечал... А понять не мог. Почему это так? Почему так смотрят люди? – задумался философ.

– Потому что горе их от желаний отучило. А без желаний и греха не совершишь... Горе близко, небо высоко, вокруг тьма – вот что для смирения самая лучшая почва. Впрочем, словами это не объяснишь... Пожалуйте вечером на службу, там всё поймёте, – пригласил гостя игумен.

Вечером Брутилов пришёл на службу в Преображенский собор. Храм был тих и тёмн, словно колодец. От золотых рам всё в нём отсвечивало золотом. Волны полутьмы, едва тревожимые тусклыми свечами, сходились и расходились над головами богомольного люда. Свет тускло падал через узкие окна в высоком куполе, порождая над толпой бронзовое, закатное свечение. Светились головы мужиков в глубине храма, в глухоте времён. Мужики стояли, древние, тихие, седобородые, – они казались древнее Авраама и стад его, древнее Ноя и его сыновей, они словно пришли сюда из первозданности, из эпохи первых патриархов, скотоводов и землепашцев. И над ними, выше света и тьмы, безмолствовал Он – Зодчий сумерек, Пастух вселенской тьмы, Первотворец, Зиждитель всего сущего. Его тонкий сумрак, как ладони, касался обнажённых лбов молитвенников, наложением своим освобождая их от всякого греха и добавляя их делам и мыслям новую, нездешнюю, благодатную тяжесть.

Служба шла. Народ двигал свою большую тесноту медленно, величаво. Кирилл Петрович стоял среди толпы богомольного люда с чувством, что после долгих поисков наконец-то нашёл то самое, настоящее, чего не мог найти в течение всей своей жизни – ни в дипломатических, ни в артистических кругах не было такого благолепия, такой величавости мысли и жизни. Здесь было всё, чего ему не удалось найти ни в армии, ни при даже дворе – мудрый покой, небесная благодать и главное – строжайшая дисциплина. «Вот почему из армии многие дворяне в церковь уходят. Здесь дисциплины больше», – подумал Кирилл Петрович, богомольно крестясь.

Когда служба подошла к концу, где-то за стеной внезапно раздался истошный вопль юродивого, отвратительный, напоминающий ослиный крик. Тощий огарышек у иконки расплылся лужицей, всполохнулся и угас.

Брутилов и молящиеся выбежали со службы. Прямо напротив собора, в самом сердце монастырского сада, среди цветов, лежал распостёртый труп старца Никодима. Восковое лицо праведного старца имело удивлённое выражение, беззубый рот широко раскрыт, изо рта на седую бороду вытекала струйка алой крови. Ухо умершего было придавлено, словно прислушиваясь к земле. Руки старца были простёрты в стороны, как для полёта или для креста. На чёрной новенькой рясе не было видно следов борьбы или насилия.

– Старец Никодим был давно известен по всей губернии как человек праведной жизни. Со всех городов к нему богомольцы съезжались, за советом, за напутствием, – удручённо басил Мелхиседек, стоя над трупом. – Кто его мог убить – не представляю. Не иначе, враг рода чело-

веческого здесь лапу приложил. Или революционеры-террористы из соседней губернии постарались...

На тропинке около измятой клумбы виднелись большие человеческие следы – кто-то бежал, хромая и припадая на одну ногу.

– Это следы горбуна, Алёшки нашего, – серебряно прозвучал среди тишины голос инока Евлогия, невысокого серолицего монашка. – Он здесь клумбы возделывает, это его послушание.

– А-а! Алёшка! – у Мелхиседека загорелись глаза. – Он ведь у нас непослушник, бунтарь! Постоянно на исповедях говорил о бунте против Господа нашего, сам я, грешный иерей, на него епитимью на прошлой неделе за это наложил... Он тихий-тихий, а тёмный, он него всего ждать можно. Он мог старца порешить, точно говорю!

– Вот и решено дело, расходимся, – загалдела беспокойная толпа. – Горбуна поймаем, он сразу во всём сознается.

– Подождите, милостивые государи! – вскрикнул Кирилл Петрович, незаметно отошедший от клумб к сараю, располагавшемуся рядом. – А это что такое?

На покрашенной зелёной краской облезлой стене дощатого сарая был выщарапан гвоздём странный рисунок – крестики и нолики, выстроенные в длинный ряд, извивавшийся змейкой вдоль половины стены.

– Вчера этого здесь не было, – заявил, угрюмо теребя бороду, игумен Мельхиседек.

– В чём смысл этого рисунка? Может быть, это какие-то нечистые знаки? – спросил кто-то из монахов.

– Я думаю, нет. Смысл в том, что люди бывают двух типов – крестики и нолики. Кто не несёт свой крестик, тот превращается в нолик... Я так думаю, – высказал мысль Брутилов.

– Побойтесь Бога, Кирилл Петрович! – предостерег философа Мельхиседек. – Это детская игра. Так на селе дети играют – рисуют крестики и нолики рядками. Игра просто...

– А зачем тогда она здесь? – недоумённо спросил у игумена монах Евлогий.

– Не знаю, не знаю... Пока велю вызвать полицию. Ничего на месте преступления не трогать! Никому из обитатели не уходить, стеречь все входы и выходы! Завтра приедет сыщик, даст Бог, всё разрешим. Утро вечера мудренее.

Святой убил святого

Утро после убийства выдалось яркое, праздничное. Всё в природе ликует, словно не произошло ничего. Солнце похаживает по дворам барской походкой, бьёт тяжелой ладонью по крепким хребтам бревенчатых домов, яростно звенит на металле конских подков.

В полдень завершилась служба. Кирилл Петрович вышел из храма, погружённый в глубокие размышления. Его окружила монастырская братия: Мельхиседек, ещё несколько священников, не участвовавших в службе, и монахи.

– Я вижу, вы прямо не смотрите, куда идёте... Интересно, о чём таком интересном вы думаете? – спросил у гостя игумен.

– Интересно мне, как это произошло... – проговорил Брутилов задумчиво. – Я о вчерашнем убийстве. Хочу эту загадку разгадать.

– Ой, ради Бога, Кирилл Петрович, не лезьте в это дело. Не ваше это, – замахал руками Мельхиседек.

– Я много раз разбирал такие истории ещё там, в посольстве, – объяснил Кирилл Петрович. – И этот случай мне интересен. Если подумать: что мы знаем? Есть у нас тайные знаки, крестики и нолики. Был крик юродивого. Есть следы горбуна у клумбы. Кого подозревать? Емельку? Алёшку? Кого-то ещё?

– Ой, не беритесь за это дело. Говорят, должен прибыть сыщик из столицы. Брином зовут. Он всех на чистую воду выведет... – вторил Мельхиседеку отец Иосиф, сухой, высокий священник с длинной бородой.

– Брин? Иван Ильич? – удивился Брутилов. – А я его знал, мы с ним вместе учились в Царскосельском лицее.

– И что? – заинтересовался игумен. – Что это за персона?

– Превосходнейший мозг. Честнейший, неподкупный человек. Но... как бы это вам сказать... – замешкался гость монастыря, – это... вольтерьянец убеждённый.

– Вольтерьянец? – переспросил отец Иосиф, теребя тонкими пальцами бороду.

– Да-да. Не верит он в русского Христа. Верит только в науку. И в свои силы.

– Так если он неверующий, он ничего у нас не поймёт, – вздохнул священник.

– Почему это? Он много чего понимает... Лучше всех учился. Первый в выпуске. Я, грешный, четвёртым сверху был... – с ностальгическим выражением лица вспомнил Кирилл Петрович.

– Не говорит это ни о чём... Умные люди тоже дураками бывают. Вот теперь приедет наводить у нас порядок – и как с ним быть? – насторожённо спросил сам у себя коренастый игумен.

– Да, да. Не раскроет ли он чего лишнего? – поддакнул ему долговязый отец Юлиан.

– А у вас есть ещё что-то лишнее? Кроме убийства? Что-то похуже? – с иронической улыбкой спросил философ.

– Нет, нет, конечно... Молчите, отец Юлиан. Много болтать языком вредно... – остановил беседу Мельхиседек.

– Да, я тоже не люблю многоглаголения. Довольно мы говорили. Я, пожалуй, пройдуся, – бросил Кирилл Петрович, направляясь в сторону от духовных лиц.

Не торопясь он прошёлся по пологому берегу Ленивки. От вчерашнего ужаса в душе не осталось и следа. Цветы веяли в лицо своим ароматом, странное многоцветное сияние над рощей на том берегу мерцало в полнеба. Снизу небо красное, как будто подожжённое, посередке – оранжевое, чистое, сверху – зеленовато-синее, переходящее в фиолет... Простор и благолепие! Сердце защемило от этого невероятия, от неохватности мира. Эх, зарево, зарево, голубое и красное зарево!... Отражаешься ты во мне, как в этой вот тихой речной воде...

Хорошо бы сейчас прилечь на берег и смотреть на пламенно расцветенную воду, как в сон... вот она, светящаяся глубь земли, изнутри сияет! Красный языкастый огонь тѣк от горизонта в бесконечную, безрассудную даль, ложась яблочным румянцем на стены невысоких белых домов, расположенных на всхолмии, в садах. По садам гуляли дамы в белых кринолинах, изредка доносилось ржание лошади и позвякивание велосипеда. Город цвѣл. Весна сбывалась.

Облака.

Солнце.

Вода.

Берег...

О чем молчат они, о чём знают, но не хотят рассказать нам? Есть же, верно, есть у них свои тайны, но не открывают они их. Может быть, они перед нами нас самих замалчивают? Или это молчание – не про нас?

Небо.

Река.

Трава.

Сады.

Жизнь...

Что они скажут нам, когда придѣт пора? Обвинят или оправдают? И что мы скажем им? Будет ли у нас, что сказать? Помоги нам найти слова самые верные, самые наши, о Господи! Ты, верно, поймѣшь – Ты тоже был человеком... И так же, наверно, заходило человеческое сердце у Тебя от этого великолепия...

Воздух.

Земля.

Вода.

Огонь.

Счастье...

Увлѣкшись созерцанием панорамы, Брутилов не заметил, как к нему подошѣл, чуть прихрамывая, отец Юлиан. По выражению его длинного, тонкого лица было ясно, что он хочет поговорить. И о чём – тоже не оставалось сомнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.